

Как и предполагал Лу Цы, реакция Цзян Хэ на эти слова оказалась точь-в-точь такой же, как у его младшего брата. Взгляд его был полон настороженности и опаски, словно он готов был тут же вступить за своего благодетеля.

— Успокойся, — Лу Цы прервал его, не дав и слова сказать. — Если бы я, как и остальные, был уверен, что именно он уничтожил Тайную обитель, мне бы и в голову не пришло лишний раз спрашивать тебя. Я спрашиваю именно потому, что чувствую, что здесь что-то не так, и хочу услышать мнение того, кто знает больше.

Эти спокойные, словно вода, слова погасили вспыхнувший в Цзян Хэ гнев, и он проглотил уже готовые сорваться с языка возражения. Сжав губы, он вдруг выглядел обескураженным, нахмурившись, сказал:

— На самом деле я знаю не так уж много.

— Ничего страшного, — ответил Лу Цы. — Расскажи всё, что знаешь, и лучше с самого начала.

Цзян Хэ задумался на мгновение, вспоминая:

— Двенадцать лет назад зимой мы с братом остались без родителей и скитались, прося милостыню. Не имея определённого направления, мы каким-то образом оказались на Восточном побережье.

На Восточном побережье людей было мало, и братьям даже некому было подать. Голодные и измождённые, они брели, пока в ночь первого снега наконец не увидели свет. Это была таверна на склоне горы.

Они надеялись лишь на кусок еды, не смея мечтать о ночлеге, но Цзи Учжоу, выслушав их историю, сказал, что они могут остаться и позже, когда подрастут, помогать в таверне.

Дети были вне себя от радости, получив наконец пристанище. Однако, прожив там некоторое время, они поняли, что таверна почти не приносит дохода, и помощь их не требовалась. Они оставались там, просто живя за счёт хозяина.

Побережье, где находилась таверна, лежало на пути из Тайной обители Цанлин на Континент людей. Ежегодно лишь несколько учеников, покидающих обитель, становились единственными посетителями таверны. Однако каждый раз, когда ученики обители появлялись, Цзи Учжоу поднимался наверх, избегая встреч, предоставляя детям самим разбираться с гостями.

Цзи Учжоу редко покидал побережье. Они сами выращивали еду, разводили кур и уток, ловили рыбу, словно жили в уединении, полностью обеспечивая себя.

Иногда, чтобы соответствовать названию «таверна», Цзи Учжоу варил несколько кувшинов вина. Однако, несмотря на то, что вино варилось снова и снова, покупателей на него не находилось, и оно просто пылилось в подвале.

Помимо этого, его главным увлечением было наблюдение за морем. Иногда он сидел за каменным столом перед таверной, пил чай и смотрел на море, иногда стоял у окна на втором этаже, опираясь на раму, а иногда сидел на пляже, скрестив ноги, и казалось, что он никогда не устанет от этого.

Время от времени, вдохновлённый, он учил их чему-то: грамоте, чтению, владению мечом и луком, кладке кирпича, столярному делу, изготовлению керамики и резьбе. Для этих двух

детей он казался всемогущим.

Прошло два года, и их жизнь текла спокойно и безмятежно. Единственным изменением стало то, что Цзи Учжоу перестал покидать побережье. Раньше он время от времени отправлялся в ближайшие города за припасами, но в тот год он словно обленился и с начала года не отходил от таверны ни на шаг, словно пустил корни на побережье.

К середине года он наконец проявил активность, взяв детей с собой, чтобы отремонтировать таверну. Они заменили старую мебель на новую, вычистили всё до блеска, а из подвала выбрали несколько лучших кувшинов вина и выставили их на полки в зале. Дети подумали, что их заброшенная таверна наконец начнёт процветать и привлекать гостей.

Однако вместо гостей они встретили снегопад, обрушившийся на них в июне.

Утром, когда начал падать густой снег, трое — взрослый и двое детей — стояли у входа в таверну, застыв в изумлении. Подняв головы к небу, они долго смотрели на этот странный летний снегопад, совершенно не готовые к такому зрелищу.

Братья подумали, что это просто из-за их юного возраста и неопытности, но, спросив Цзи Учжоу, узнали, что он тоже никогда не видел такого странного явления и не мог объяснить его.

Хотя июньский снег был странным, он не сильно повлиял на их жизнь, и трое не придали этому большого значения. Закрепив новый бамбуковый забор, они вернулись в таверну.

Снегопад сделал небо хмурым, и в таверне рано зажгли свет, начав готовить горячий чай.

Цзи Учжоу сидел у окна на втором этаже, держа в руках чашку чая и глядя на море, а дети играли на мягком диване рядом.

Тогда они ещё не знали, что этот снег продлится целый месяц и станет началом больших перемен в мире.

В тот день Цзи Учжоу не отходил от окна ни на шаг. С утра до полудня, с сумерек до глубокой ночи чай в его руках остывал и снова нагревался, но он не выпил ни капли.

Проснувшись среди ночи, Цзян Хэ увидел, что он всё ещё сидит там, и был поражён. Но Цзи Учжоу сказал, что всё в порядке, и так провёл без сна всю ночь.

На второй и третий день он словно вступил в противостояние с этим снегопадом, бодрствуя, словно при укрощении сокола, три дня и три ночи он смотрел на бурное море.

На четвёртый день он наконец перестал сидеть, надел плащ и шляпу, сел на рыбацкую лодку и отправился в море.

Три дня спустя Цзи Учжоу вернулся с моря, пригласив нескольких своих старших братьев и сестёр на побережье. Он передал два из привезённых из обители духовных орудий Мисан Яюэ и Цзи Шияню.

После этого, как ранее упоминал Чжунли Буфу, снег прекратился, и в мире начались беспорядки. Три великих небесных дворца были построены, четверо Небесных Наставников прославились, и так началось формирование нового мирового порядка.

...

Выслушав эту историю, Лу Цы долго молчал.

В те времена, находясь в обители, большинство старших братьев и сестёр, покинувших её, отправляли письма, рассказывая о своих приключениях в мире людей и делясь своими новостями. Это позволяло оставшимся в обители ученикам не оставаться в полном неведении об их судьбе.

Но Цзи Учжоу никогда не отправлял ни единого слова.

С тех пор как он покинул обитель тринадцать лет назад, от него не было никаких известий.

Иногда, вспоминая его, Лу Цы задавался вопросом, как он живёт на Континенте людей. Стало ли ему легче и свободнее без сплетен и насмешек, завёл ли он друзей, стал ли более открытым.

Однако, не имея писем, его догадки оставались лишь догадками. И только сейчас, выслушав рассказ Цзян Хэ, Лу Цы наконец смог заглянуть в те три года его жизни после ухода из обители.

Он знал, что Цзи Учжоу уже привык к одиночеству в обители, но не ожидал, что, оказавшись на шумном Континенте людей, он всё равно выбрал уединённую жизнь.

Если бы не появление братьев Цзян Хэ, возможно, он так и остался бы жить в таверне, всю жизнь в одиночестве пить чай, смотреть на море, заниматься сельским хозяйством и варить вино.

В этом, конечно, не было бы ничего плохого.

Но это было бы слишком одиноко.

Думая об этом, Лу Цы невольно повернулся к Цзян Хэ, вдруг осознав, насколько загадочны бывают судьбы.

Для братьев Цзи Учжоу был благодетелем, давшим им кров. Но для Цзи Учжоу они, возможно, были теми, кого послало небо, чтобы скрасить его одиночество.

Цзян Хэ, почувствовав на себе его изучающий взгляд, нахмурился:

— Ты почему на меня так смотришь? Я всё рассказал, больше ничего не знаю.

Лу Цы не забыл, зачем он спрашивал Цзян Хэ, но на мгновение отвлёкся, размышляя о многом. И это отвлечение было не безосновательным, ведь в рассказе Цзян Хэ был один ключевой момент, который сразу же развеял все его сомнения, позволив ему спокойно задуматься.

В те полгода до снегопада Цзи Учжоу ни разу не покидал побережье.

Это практически полностью исключало любую связь между ним и трупом младенца — если кражу гу-воши можно было отнести к событиям четырнадцатилетней давности, что доказывало, что Цзи Учжоу не был вором, то его пребывание на побережье в период губедствия в Санчэне доказывало, что он не мог быть и тем, кто наслал проклятие.

У него не было ни времени, ни возможности.

Однако, что именно произошло с ним после возвращения в обитель и как он получил духовные орудия, оставалось загадкой. Теперь же появился ещё один вопрос.

Лу Цы уточнил у Цзян Хэ:

— Ты сказал, что он отправился в обитель только через три дня после начала снегопада?

Цзян Хэ кивнул:

— Да. Он сидел у окна три дня и три ночи, не ел и не спал, и только на четвёртый день отправился в море. Я это хорошо помню.

Лу Цы нахмурился, чувствуя недоумение.

Согласно словам Чжунли Буфу, снегопад начался из-за того, что духовные орудия покинули обитель, вызвав разрушение её духовной энергии. Но, судя по рассказу Цзян Хэ, сначала был снег, а уже потом Цзи Учжоу получил орудия.

Разве это не противоречит логике?

<http://bllate.org/book/16826/1565389>